

На правах рукописи

ПОЛЯКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА МИНУСИНСКИХ
КОТЛОВИН**

07.00.06 — археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2020

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Бобров Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Ведущая организация: Государственный Эрмитаж

Защита состоится «__» _____ 2020 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д002.052.01 при Институте истории материальной культуры Российской академии наук по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18-А.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте (<http://www.archeo.ru/dissovet>) Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «____» _____ 2020 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук

Нехорошев Павел Евгеньевич

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В Минусинских котловинах в результате особенностей их географического расположения и относительной изоляции сформировались неповторимые условия развития древних народов. В эпоху палеометалла это проявляется наиболее ощутимо: археологические культуры и их этапы имеют очень яркие и чётко различимые признаки. Частичная изоляция привела к тому, что отсутствует влияние соседних культурных традиций, характерное для евразийских степей. Памятники этого времени очень многочисленны, а погребения сопровождались богатым и разнообразным инвентарём. Именно на территории Минусинских котловин эпоха палеометалла наиболее исследована: раскопано около 5000 погребений, имеются обширные коллекции случайных находок. Эти материалы дают возможность построения хорошо структурированной относительной хронологии. Всё это позволяет считать памятники Минусинских котловин важной основой в изучении рассматриваемого хронологического периода для всей Центральной Азии.

Степень разработанности темы исследования. На материалах Минусинских котловин была выстроена первая в Центральной Азии периодизация археологических культур, предложенная С.А. Теплоуховым (1927 г.). В дальнейшем новые наблюдения и отдельные изменения были собраны и осмыслены в работе С.В. Киселёва (1949 г.). Огромный массив данных был введён в научный оборот в ходе раскопок Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М.П. Грязнова. Появились новые идеи о выделении окуневской культуры (Г.А. Максименков) и каменноложского этапа карасукской культуры (М.П. Грязнов). Все изменения были собраны воедино в фундаментальном труде Э.Б. Вадецкой (1986 г.), благодаря которому изучение хронологии памятников Среднего Енисея вышло на новый уровень. На сегодняшний день эта работа является последним обобщающим трудом.

За истекшие годы накопилось много новых данных, требующих дальнейшей доработки схемы С.А. Теплоухова. Внутри окуневской культуры бы-

ли выделены отдельные хронологические этапы. В корне пересмотрена концепция финала бронзового века и предложена дробная относительная схема развития периода, который ранее рассматривался как карасукская культура (Поляков, 2002; 2006б; Лазаретов, Поляков, 2008). В связи с переходом к калиброванным радиоуглеродным датам произошли существенные изменения в абсолютных датировках (Svyatko et al., 2009; Святко, Поляков, 2009; Поляков, Святко, 2009; 2019). Эти новые данные, гипотезы и концепции представлены в десятках отдельных научных публикаций, но не сведены в цельную картину развития памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является построение актуальной единой хронологической шкалы памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин и её привязка к абсолютным датам. Она достигается путём решения нескольких взаимосвязанных задач:

1. Формирование наиболее полной базы данных археологических памятников исследуемой эпохи.
2. Проведение обобщающего историографического исследования, анализирующего все точки зрения и концепции хронологии, известные на сегодняшний день.
3. Анализ современного состояния источников и краткая характеристика археологических культур.
4. Формирование полной базы радиоуглеродных определений возраста памятников, их критический анализ, приведение к единому формату, калибровка и суммарный анализ.
5. Сопоставление данных относительной хронологии и абсолютных дат, полученных радиоуглеродным методом.
6. Разработка новой концепции сложения и развития (культурогенеза) археологических культур эпохи палеометалла Минусинских котловин.

Объектом исследования являются памятники археологии эпохи палеометалла Минусинских котловин. Предмет исследования — весь круг проблем

относительной и абсолютной хронологии, а также происхождение и сложение археологических культур рассматриваемого региона.

Минусинские котловины — это цепочка из четырёх отдельных котловин, вытянутых в меридиональном направлении вдоль течения р. Енисей. Самая южная котловина — Минусинская, далее на север последовательно располагаются Сыда-Ербинская, Чулымо-Енисейская и Назаровская котловины. Традиционно их объединяют в понятие Минусинские котловины. В качестве синонима этому определению в работе используется устоявшийся в научной археологической литературе термин «Средний Енисей».

Хронологические рамки исследования ограничены эпохой палеометалла. Она включает археологические памятники от финала неолита и до начала скифского времени. Традиционно они объединяются в понятия афанасьевской, окуневской, андроновской (фёдоровской) культур, а также периода позднего бронзового века, который ранее рассматривался как карасукская культура. По новейшим результатам радиоуглеродного анализа, эпоха палеометалла охватывает примерно 2200 лет, или XXX–IX вв. до н. э.

Научная новизна исследования. С момента выхода монографии Э.Б. Вадецкой, в которой были обобщены результаты исследований вплоть до 1984 г., прошло почти 35 лет. За это время произошли значимые изменения. Примерно на 20% выросло число исследованных памятников. Появились новые хронологические концепции, требующие анализа и включения в общую хронологическую схему (Поляков, 2002; 2006б; 2017а; Лазаретов, Поляков, 2008; Поляков, Лазаретов, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020). Стали доступны результаты, полученные с помощью естественнонаучных методов (изотопного анализа, палеогенетических исследований), позволяющих по-новому взглянуть на малоизученные аспекты жизни древнего населения. Настоящая революция произошла в радиоуглеродном датировании, которое по-прежнему остаётся основным источником для определения абсолютных дат. Метод стал значительно доступнее, появились новые технологии (ускорительная масс-спектрометрия), в результате количество полученных опре-

делений возросло в восемь раз. Использование калибровочной кривой кардинально изменило итоговые даты, с которыми работают специалисты. Научная новизна настоящей работы состоит в том, чтобы на современном уровне знаний объединены все новейшие разработки и построена общая концепция, которая станет опорой для нового исследовательского этапа.

Теоретическая и практическая значимость работы. Изучение хронологии памятников имеет огромное значение в теоретическом аспекте, так как является краеугольным камнем любых исследований жизни древних обществ. Без понимания процессов развития во времени невозможно обоснованно изучать их происхождение и исторические судьбы. Памятники эпохи палеометалла Минусинских котловин имеют основополагающее значение для всей центральной части Евразийского континента. Их хронологическая колонка является опорной для датирования древних культурно-исторических образований от Урала до Байкала. Без ясно сформированной концепции развития этих памятников возникают существенные проблемы при культурно-хронологических сопоставлениях с памятниками тех регионов, где отсутствует столь обширная и детально изученная база археологических материалов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования источников, положений и выводов исследования при подготовке обобщающих трудов по истории и археологии Центральной Азии, разработке методологии исследований, написании спецкурсов по археологии Сибири, истории древних племён Саяно-Алтайского нагорья и базовых курсов по археологии и истории. На основе настоящей концепции подготовлен курс лекций, прочитанный автором в Народном университете Китая (г. Пекин).

Методология и методы исследования. В работе использовались традиционные исторические и археологические методы исследования: структурный и причинно-следственный анализы, метод аналогий и обобщений, стратиграфический (в том числе и горизонтальной стратиграфии), статистический и статистико-комбинаторный методы, классификация вещевого ком-

плекса, формально-типологический и морфологический анализы, картографирование, историческая реконструкция и другие. Значительное место в работе уделено анализу результатов естественнонаучных исследований, прежде всего антропологии и палеогенетики. Максимально широко привлекаются результаты радиоуглеродного датирования. Все приведённые в работе радиоуглеродные определения систематизированы и откалиброваны с применением программы OxCal (версия 4.3), калибровочная кривая IntCal13. Результаты анализировались с учётом доверительного интервала 2σ .

Научные положения, выносимые на защиту

1. Предлагается новая схема абсолютной и, частично, относительной хронологии памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин, в том числе разработанная с учётом данных естественнонаучных методов, которая охватывает XXX–IX вв. до н. э.

2. С опорой на модернизированную хронологию предложена новая модель культурогенеза населения эпохи палеометалла Минусинских котловин. Решающее значение в ней отводится миграционным процессам.

Степень достоверности результатов. Для проведения данного исследования использована база источников из почти 5000 погребений, что составляет свыше 96% всех исследованных на территории Минусинских котловин памятников рассматриваемого периода. Они относятся к афанасьевским (379), окуневским (592) и андроновским (420) древностям, а также периоду позднего бронзового века (свыше 3500). Изучались материалы 46 стоянок, поселений и горных крепостей-«све». Для их анализа применялись традиционные и успешно себя зарекомендовавшие научные методы, которые опробованы в многочисленных работах по археологии. Исследование дополнено обширной базой естественнонаучных анализов, прошедших тщательную критику источников (247 радиоуглеродных дат и 93 определения филогенетических маркеров Y-ДНК и мтДНК). Рассмотрены все выдвинутые в научной литературе концепции и гипотезы. Это позволяет полагать, что полученные в работе результаты имеют высокую степень достоверности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН. Отдельные положения и концепция в целом были представлены в форме докладов и обсуждались на 16 всероссийских и международных конференциях (в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Барнауле, Абакане, Пекине и Улан-Баторе), а также опубликованы в 63 научных работах, из которых 19 изданы в ведущих российских и зарубежных рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора наук. Данная концепция отражена в двух коллективных монографиях (авторский вклад 18,6 а. л.).

Структура исследования. Построение работы соответствует поставленным целям и задачам. Она состоит из введения, трёх глав, заключения, списка используемой литературы, приложений с таблицами радиоуглеродных дат и палеогенетических определений, а также таблиц иллюстративного материала. Во введении сформулированы основные цели и задачи исследования, его актуальность и новизна, описаны территориальные и хронологические рамки, а также база источников. В первой главе изложена история развития представлений о хронологии изучаемых памятников. Вторая глава посвящена проблемам хронологии раннего периода эпохи палеометалла, которая объединяет афанасьевскую, окуневскую и андроновскую (фёдоровскую) культуры. В третьей главе рассматриваются проблемы позднего периода эпохи палеометалла, который традиционно объединялся в понятие карасукской культуры. В заключении представлена современная авторская концепция хронологии эпохи палеометалла Минусинских котловин. В первую часть приложения (таблицы I–IV) помещены все опубликованные в настоящее время радиоуглеродные определения. Вторая часть приложения (таблицы V–VIII) содержит данные палеогенетических исследований по образцам из памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Во введении приводится информация, изложенная в разделе «Общая характеристика работы» настоящего реферата.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХРОНОЛОГИИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН

Изучение археологических памятников Минусинских котловин началось ещё в XVIII в. с работ Сибирской экспедиции, возглавляемой Д.Г. Мессершмидтом. 6 января 1722 г. на берегу Енисея он провёл первые в Сибири научные раскопки кургана. В дальнейшем на протяжении почти 200 лет десятки исследователей изучали и осмыслили богатейшее историческое наследие региона, однако сейчас все работы этого периода представляют лишь историографический интерес. Прорыв был осуществлён С.А. Теплоуховым в конце 1920-х гг. На основании многолетних исследований в районе села Батени он выделил основные археологические культуры и предложил схему их хронологического соотношения. Его концепция до сих пор сохраняет ключевое значение, а все дальнейшие работы в этом направлении являются лишь развитием заложенных им идей. Выделив афанасьевскую, андроновскую и карасукскую культуры, он определил их относительную последовательность и предложил первые, самые общие ориентиры по их абсолютным датам.

В 1930–1950-е гг. большую роль в изучении и развитии вопросов хронологии сыграл С.В. Киселёв. Он много внимания уделял проблемам синхронизации с памятниками других регионов, что позволило ему высказать более обоснованные предположения по вопросам абсолютных дат. Андроновскую культуру он датировал XVII–XIV вв. до н. э., а карасукскую относил к XIII–VIII вв. до н. э. В этот же период развернулась активная дискуссия о месте окуневских памятников на хронологической шкале. М.Н. Комарова

рассматривала их как ранний этап андроновской культуры, А.Н. Липский включал в состав афанасьевской культуры, а Л.Р. Кызласов, поддерживая его, предлагал выделить их в поздний этап.

Следующий период связан с работами Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством М.П. Грязнова (1955–1972 гг.). В ходе раскопок в зоне затопления Красноярской ГЭС число изученных на территории Минусинских котловин погребений увеличилось в пять раз. Многие ключевые памятники энеолита и бронзового века были полностью исследованы. В результате были сделаны важные открытия, а в хронологическую схему С.А. Теплоухова внесены значительные дополнения и уточнения: выделена окуневская культура, а карасукская культура была разделена на два последовательных этапа.

В этот период в Ленинграде начинает работать первая в стране радиоуглеродная лаборатория, и Красноярская экспедиция активно использует этот новый метод для датирования археологических памятников. Если С.В. Киселёв выделил аналогии древностям позднего бронзового века среди артефактов эпох Шан–Инь и Западное Чжоу Китая, то энеолитические памятники не имели оснований для определения возраста. Радиоуглеродное датирование позволило закрыть этот пробел. Э.Б. Вадецкая на основании 16 радиоуглеродных (некалиброванных) определений предложила первые обоснованные даты афанасьевской культуры — XXV–XVIII вв. до н. э.

Особое значение имело выделение Г.А. Максименковым окуневской культуры. Хотя эта группа памятников была ранее обособлена, но только раскопки уникального могильника Черновая VIII дали возможность описать самостоятельную археологическую культуру. Она ещё долго не имела относящихся к ней радиоуглеродных дат, так как в тот период лаборатории работали только с остатками дерева или угля, которые редко встречаются в окуневских могилах.

Активные исследования проводились на памятниках андроновской (фёдоровской) культуры. Продолжалось уточнение их абсолютных дат, а

также относительного положения в хронологической колонке культур. Было установлено, что на Среднем Енисее андроновские памятники имеют ограниченный ареал. Это позволило выдвинуть гипотезу о продолжительном сосуществовании оставивших их людей с племенами окуневской культуры, долгое время сохранявшими за собой южные территории региона.

В этот период наиболее острые дискуссии велись по проблемам хронологии и периодизации памятников карасукской культуры. В ходе работ Красноярской экспедиции М.П. Грязнов предложил выделить два последовательных хронологических этапа: «классический» (XIII–XI вв. до н. э.) и каменнолоожский (X–IX вв. до н. э.).

Наряду с концепцией С.А. Теплоухова о строгой последовательности культур, которую поддерживали М.П. Грязнов и Г.А. Максименков, появился иной взгляд на соотношение памятников. Новый подход допускал сосуществование на ограниченной территории нескольких групп населения, имевших различное происхождение (Н.Л. Членова, М.Д. Хлобыстина, Э.А. Новгородова). Предполагалось, что афанасьевско-окуневское население переживает андроновское вторжение и впоследствии участвует в генезисе племён финала бронзового века (которые М.П. Грязнов объединял в каменнолоожский этап).

Таким образом, период 1960–1980-х гг. характеризуется значительным ростом числа источников. Появились гипотезы, пересматривающие концепцию С.А. Теплоухова в пользу синхронного существования ряда археологических культур. Было положено начало активному использованию радиоуглеродного метода датирования и формированию на основе полученных результатов представлений об абсолютных датах памятников. К сожалению, гипотезы Н.Л. Членовой, М.Д. Хлобыстиной и Э.А. Новгородовой не были доведены до уровня законченных концепций, в комплексе описывающих все процессы культуругенеза на протяжении энеолита и бронзового века. Итоги работ Красноярской экспедиции и исследований М.П. Грязнова и

Г.А. Максименкова (последователей С.А. Теплоухова) были обобщены в монографии Э.Б. Вадецкой 1986 г.

Современный период характеризуется большим числом нововведений, развивающих хронологическую схему С.А. Теплоухова. Одним из важнейших является начало использования калиброванных радиоуглеродных дат, совершенствование этого метода датирования и резкое увеличение числа определений. Для памятников энеолита и раннего бронзового века это пока единственный способ установления абсолютной хронологии. Прделана значительная работа по сбору уже известных данных, получению новых определений, критике источников и систематизации всего массива информации.

Кроме того, появились новые разработки в области относительной хронологии культур и отдельных памятников. Во-первых, это выделение хронологических этапов окуневской культуры (И.П. Лазаретов и Д.Г. Савинов). Во-вторых, разработка дробной периодизации периода позднего бронзового века, ранее представлявшего собой карасукскую культуру (А.В. Поляков и И.П. Лазаретов). В-третьих, появление первых наблюдений над хронологией афанасьевской культуры (И.П. Лазаретов).

В задачу представленной работы входит объединение современных достижений археологии и данных смежных дисциплин для создания новой единой концепции культурогенеза и хронологии памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин.

ГЛАВА 2. РАННИЙ ПЕРИОД ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН

Раздел 2.1. Афанасьевская культура на Среднем Енисее

Краткая характеристика. Афанасьевская культура характеризуется появлением скотоводства, началом металлопроизводства, а также сложившейся традицией погребений под курганами (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014). Эти памятники распространены на огромных территориях Саяно-Алтая, Монголии, Синьцзяна и Восточного Казахстана, однако их максимальная концентрация наблюдается в Горном Алтае и Минусинских котловинах. История их изучения неоднократно изложена в литературе (Степанова, Поляков, 2010).

В Минусинских котловинах афанасьевская культура известна преимущественно по погребальным памятникам. Раскопки проводились на 33 могильниках (235 курганов, содержащих 379 могил). Каждый курган представляет собой круглую ограду из камня, чаще всего сложенную из положенных плашмя плит песчаника (Поляков, 2010г). Их диаметр варьирует от 3–4 до 25 м. В центре обычно располагалась одна крупная прямоугольная грунтовая яма со скруглёнными углами, ориентированная по линии З–В или ЮЗ–СВ. Её перекрытие сооружалось из продольно положенных брёвен, которые иногда дополнялись слоем камней. Сверху эта конструкция перекрывалась земляной насыпью, иногда также облицованной камнем. Захоронения детей располагались за оградой с восточной стороны.

В основной могиле находилось погребение одного, гораздо реже — двух человек, ориентированных головой в западный сектор. В качестве исключения зафиксировано несколько случаев коллективных могил. Погребённого укладывали в южной части могильной ямы в положении на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями; иногда встречаются иные позы. Северная часть ямы предназначалась для сопроводительного инвентаря, который в большинстве случаев не сохраняется, так как вещи были сделаны

из органических материалов. Важной отличительной чертой афанасьевских захоронений является частое использование охры.

Сопроводительного инвентаря в погребениях мало. Обычно это только глиняные сосуды двух основных форм: яйцевидные остродонные и шаровидные круглодонные, которые составляют устойчивое сочетание. Это бытовая посуда со следами активного использования (нагар). Иногда в могилах встречаются редкие типы посуды, например корчаги объёмом до 210 литров или ритуальные курильницы. Остальной инвентарь представлен медными накладками и скобочками для украшения и ремонта деревянных сосудов, металлическими височными колечками (серебро, медь, золото), грубыми каменными орудиями из речной гальки (песты, скребки, колотушки), роговыми навершиями посохов, а также роговыми изделиями в виде «гвоздиков», «дисков» и стержней.

Стоянок исследовано мало (10), представленные на них слои обычно не содержат также материалы последующей окуневской культуры (Поляков, Степанова, 2009). Монокультурные слои были прослежены только при исследовании грота Све-Таг и стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея. На поселениях и стоянках Минусинских котловин и Горного Алтая не зафиксировано следов стационарных жилищ, но прослежена особая форма очагов в виде углублений, обставленных по периметру камнями, в которых накапливался толстый слой углей и золы. Их использование связано с особой формой афанасьевских сосудов.

По данным анализа собранных на стоянках костей животных, основу хозяйства населения составляло скотоводство с преобладанием мелкого рогатого скота. Кости коровы представлены в 17% случаев, а лошади — в 8%. Кости диких животных фактически отсутствуют. По данным изотопного анализа, рацион афанасьевского населения состоял на 40–50% из мяса животных, на 35–45% из рыбы и на 10–20% из растений (Svyatko et al, 2017a). Последний показатель, вероятно, указывает на практику собирательства, так как не зафиксировано никаких свидетельств земледелия. Следов металлургиче-

ских процессов на Среднем Енисее пока не выявлено, что позволяет некоторым исследователям выдвигать концепцию использования исключительно самородного металла. Однако на Алтае известна горная выработка Владимировка, где в афанасьевское время добывали сульфидную медную руду.

На сегодняшний день неолитическое население Минусинских котловин практически не исследовано, что затрудняет изучение его взаимодействия с мигрантами, сформировавшими афанасьевскую культуру. Имеющиеся данные демонстрируют «закрытость» пришедших на Средний Енисей коллективов и отсутствие следов инкорпорирования представителей коренного населения. В Минусинских котловинах они оказались в некоторой изоляции, находясь на границе между «постнеолитическим миром» (к северу и востоку) и родственными племенами (к югу и юго-западу).

По данным антропологии, афанасьевское население относится к европеоидному расовому стволу и характеризуется высоким ростом и очень крепким телосложением. Их отличает выраженная долихокrania черепов, резко контрастирующая с признаками местных неолитических популяций. Современные исследования прослеживают их связь с населением восточной части ареала ямной культурно-исторической общности (КИО), что подтверждают результаты палеогенетических исследований (Поляков, 2019а). По мужской филогенетической линии (Y-ДНК) афанасьевское население идентично носителям ямной КИО и характеризуется ниже лежащими вариантами субклада L23 гаплогруппы R1b. По женским линиям (mtДНК) прослеживаются преимущественно западноевразийские гаплогруппы (U, R, J, H, K, T). Наблюдается разделение могильников по женским линиям, что свидетельствует об изолированности даже отдельных афанасьевских коллективов.

Современная концепция происхождения афанасьевской культуры предполагает миграцию замкнутых коллективов из восточных областей ямной КИО южным маршрутом вдоль предгорий Тянь-Шаня. Кроме того, существует гипотеза сложения ямной КИО и афанасьевской культуры в ре-

зультате общего миграционного процесса из некоего третьего центра (район древних цивилизаций Ближнего Востока).

История развития представлений о хронологии. Афанасьевские памятники были обособлены в самостоятельную культуру С.А. Теплоуховым, который отнёс их к самому началу бронзового века, не указывая конкретных абсолютных дат. Изучение их хронологии было продолжено С.В. Киселёвым, который синхронизировал их с «ямно-катакомбными погребениями» и датировал III — началом II тыс. до н. э. Он же указал на отдельные аналогии с трипольскими памятниками периода VII–CI и культурой Анау. М.П. Грязнов также отмечал взаимосвязь афанасьевских и ямных памятников, считая их синхронными. Он писал, что определение абсолютного возраста возможно только по аналогии с ямными древностями, и на основании актуальных в тот период дат относил афанасьевскую культуру ко второй половине III тыс. до н. э. Он также отмечал, что афанасьевская культура просуществовала не более нескольких столетий. Все исследователи размещали афанасьевские древности между периодом неолита и андроновской культурой. Выделение в середине 1960-х гг. окуневской культуры не изменило такой подход. По-прежнему все культуры рассматривались как строго последовательные с очень незначительным периодом сосуществования.

В 1973 г. М.Д. Хлобыстина предложила гипотезу о продолжительном сосуществовании афанасьевской и окуневской культур, которая долгое время не находила поддержки среди исследователей. Вновь к этой идее недавно обратилась Л.А. Соколова. Согласно её гипотезе, окуневская культура сформировалась на Среднем Енисее до появления афанасьевских мигрантов на основе местных неолитических традиций. Далее был период сосуществования двух групп совершенно разного населения, а после того как афанасьевские племена сошли с исторической арены, окуневская культура развивалась на протяжении ещё двух этапов. Концепцию значительного периода сосуществования двух культур в последние годы своей жизни поддерживала и Э.Б. Вадецкая.

С 1960-х гг. началось изучение радиоуглеродных дат памятников афанасьевской культуры. Были получены сначала отдельные даты, а потом их серии, что позволило Э.Б. Вадецкой оценить период существования культуры XXV–XVIII вв. до н. э. (без учёта калибровки). С началом использования калиброванных радиоуглеродных дат наблюдалась дальнейшая тенденция расширения этих рамок. В обзорных работах протяжённость периода существования афанасьевской культуры на Среднем Енисее оценивалась в 1400 лет (XXXVIII–XXV вв. до н. э.), что явно не соответствовало археологическим данным (Svyatko et al., 2009; Поляков, 2010д). Таким образом, наметился конфликт между результатами радиоуглеродного датирования и полевыми наблюдениями.

Проблемы относительной хронологии. Долгое время афанасьевская культура рассматривалась как единый массив, синхронно существовавший на всей огромной территории. По мере накопления материалов её границы продолжали расширяться, в связи с чем, возникли сомнения в синхронности существования различных групп культуры. Начиная с 1980-х гг. складывается гипотеза, согласно которой афанасьевские племена, двигаясь с запада, сначала заселили Горный Алтай и только затем продвинулись в Минусинские котловины. Современный анализ радиоуглеродных дат подтверждает эту идею. При использовании исключительно AMS-дат наблюдается значительное разделение массивов определений возраста образцов из Горного Алтая и Минусинских котловин. Первые оказываются заметно древнее. Более того, в современных работах, посвящённых относительной хронологии афанасьевских памятников Минусинских котловин (И.П. Лазаретов), показано, что наиболее ранние из них имеют больше всего сходства с объектами Горного Алтая. Таким образом, археологические методы также подтверждают эту гипотезу.

Традиционно афанасьевскую культуру представляли монолитным явлением, в рамках которого невозможно выявить тенденции развития. Причину этого видели в низкой динамике изменений и относительно коротком периоде существования культуры (несколько веков, как полагал М.П. Грязнов).

В дальнейшем, когда на основании радиоуглеродных дат протяжённость афанасьевской культуры стала оцениваться в 1400 лет, проявилось и стало важным аргументом в дискуссии о продолжительности этой культуры отсутствие разработок по её относительной хронологии. Этот вопрос был снят благодаря появлению большой серии новых радиоуглеродных AMS-дат, в том числе повторно датирующих ключевые памятники (Поляков, Святко, Степанова, 2017; 2018; 2019; Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019). Практически все даты, полученные ранее LSC-методом по образцам дерева из афанасьевских памятников Горного Алтая, демонстрируют их мнимый возраст. Повторное датирование памятников AMS-методом позволило «омолодить» их на 400–900 лет. В результате большой массив дат оказался ошибочным. Все современные AMS-даты афанасьевских памятников Горного Алтая попадают в очень узкие пределы — XXXI–XXIX вв. до н. э. В Минусинских котловинах мнимое удревнение дают только даты могильника Малиновый Лог. В результате сложилась концепция возврата к «короткой» хронологии афанасьевской культуры М.П. Грязнова. Предполагается, что продолжительность её существования на Среднем Енисее не превышает 500 лет (Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019).

В 2017 г. И.П. Лазаретов на основе анализа изменений в керамике предложил гипотезу, согласно которой в афанасьевской культуре были выделены ранние и поздние памятники. Он пока не сформулировал чёткие критерии, а сделал наблюдения над развитием отдельных признаков. И.П. Лазаретов выделяет раннюю группу памятников, опираясь на сосуды с максимальным диаметром посередине их высоты и максимально высоким венчиком, часто с насечками по краю. Поздняя группа характеризуется сосудами с максимальным диаметром в верхней трети их высоты и отсутствием венчика. К ней же он относит все нестандартные типы и формы сосудов (курильницы, миниатюрные кубические сосуды, чаши, керамика с отверстиями и налепными ручками и т. п.). Кроме того, И.П. Лазаретов проследил, что для

ранней группы характерно наличие только одной могилы в ограде, а в поздней группе могут встречаться две-три и более могил.

В результате И.П. Лазаретов пришёл к выводу, что по совокупности признаков ранняя группа максимально близка к афанасьевским памятникам Горного Алтая, а поздняя демонстрирует элементы, находящие аналогии в окуневской культуре. Эта гипотеза имеет большое значение, так как проясняет многие проблемы в изучении афанасьевских древностей. Не исключено, что дальнейшие исследования в этом направлении приведут к созданию обоснованной и проверяемой концепции развития афанасьевской культуры.

Утверждение о продолжительном сосуществовании афанасьевской и окуневской культур практически полностью базируется на результатах раскопок А.Н. Липского. Удивительным образом все исследованные им памятники демонстрируют признаки смешения этих материалов. Однако изучение архивов показывает, что в подавляющем большинстве случаев методический уровень проведения работ и их фиксации не выдерживает критики, даже с учётом требований того времени. Описания представлены только частично в форме дневников, чертежи выполнялись не на месте работ, а гораздо позднее в камеральных условиях, описания погребений часто не соответствуют чертежам. Более того, полностью отсутствует фотодокументация, а ключевые артефакты не удаётся обнаружить в фондах музеев. Всё это заставляет относиться к результатам работ А.Н. Липского с большой осторожностью и не использовать их для решения проблем хронологического соотношения культур. Остальные доводы сторонников продолжительного периода сосуществования культур малочисленны. Они легко опровергаются, например такие, как наличие окуневских захоронений в круглых оградах, либо не доказывают продолжительность периода сосуществования. Без опоры на исследования А.Н. Липского подобные доводы оказываются недостаточно аргументированными.

Сторонники последовательной смены культур с небольшим периодом сосуществования (до 100 лет), напротив, в последнее время всё больше

укрепляют свои позиции, приводя новые доказательства: использование окуневским населением для своих впускных захоронений афанасьевских курганов; результаты радиоуглеродного датирования; стратиграфия поселенческих комплексов (грот Све-Таг и стоянка Тоора-Даш); данные антропологии и палеогенетики; отсутствие технологической преемственности в изготовлении сосудов (Степанова, Поляков, 2017). Таким образом, точка зрения о последовательном существовании афанасьевской и окуневской культур выглядит более фундированно.

Радиоуглеродные даты. В научной литературе имеется информация о 48 радиоуглеродных датах, полученных по материалам афанасьевской культуры. На основе критики источников часть дат нельзя использовать. Недавно проведённые исследования показали, что для афанасьевских памятников Горного Алтая наблюдается системная ошибка в определении возраста образцов (Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019). Даты, сделанные по образцам дерева LSC-методом, показывали мнимый возраст с удревнением от 400 до 900 лет. Повторное датирование, проведённое на AMS-оборудовании, позволило выявить эту ошибку. Есть основания считать, что подобная ошибка, системно проявляющаяся на памятниках Горного Алтая, в единичном случае (могилище Малиновый Лог) зафиксирована и для Минусинских котловин. На этом основании даты этого памятника также следует исключить из анализа.

В результате для определения возраста памятников афанасьевской культуры Минусинских котловин можно использовать только 36 дат. Их анализ даёт основание относить её к XXX–XXV вв. до н. э., что хорошо согласуется с археологическими данными о коротком периоде существования этих памятников (Степанова, Поляков, 2019). При сравнении AMS-дат Среднего Енисея и Горного Алтая обнаруживается, что последние систематически древнее (XXXI–XXIX вв. до н. э.). Таким образом, есть основания полагать, что афанасьевская культура сначала появилась на Алтае и только затем оставившее эту культуру население заселило Минусинские котловины.

Раздел 2.2. Окуневская культура

Краткая характеристика. Новое население появляется в Минусинских котловинах на рубеже XXVI–XXV вв. до н. э. Окуневскую культуру отличает новый уровень металлургии, огромное художественное наследие и сложнейшие ритуалы (подзахоронения, перемещения костей из могилы в могилу, ритуальные площадки возле курганов и т. д.) (Лазаретов, Морозов, Поляков, 2018). Её памятники представлены только на территории Минусинских котловин. В основном это погребальные сооружения и немногочисленные стоянки. Особые типы окуневских памятников представляют собой горные крепости-«све» и скопления наскальных изображений (писаницы).

На данный момент в Минусинских котловинах исследовано 58 погребальных памятников окуневской культуры. 34 объекта представлено могильниками, где раскопано 64 кургана, включающих 535 могил. Кроме того, отдельно исследовано 57 могил, впущенных в афанасьевские курганы, или могилы, ограда вокруг которых не прослежена. Могильники обычно состоят из одной–четырёх оград, в двух случаях их было больше: могильники Итколь II (6 оград) и Черновая VIII (14 оград) (Поляков, 2014б; 2014в; Поляков, Лазаретов, Есин, 2018).

Каждый курган представляет собой «открытый» комплекс. Это площадка размером от 6 × 6 до 40 × 40 м (обычно 12 × 12 м), огороженная подквадратной оградой (ориентировка ЮЗ–СВ) из каменных плит, на территории которой на протяжении некоторого времени совершались захоронения и подзахоронения в могилах. Впоследствии возводилась общая земляная насыпь, перекрывающая всю площадь ограды. Часто после этого в насыпь впускали новые могилы, образуя следующий уровень захоронений. Известно несколько сооружений, отличающихся наличием диагональных кладок внутри ограды и большого кольца менгиров вокруг (Поляков, 2014а).

Все погребения совершались только внутри ограды, не выходя за её пределы. Их размещение диктовалось определённой системой, которая трансформировалась в процессе времени (Поляков, 2017б). Прослежено раз-

витие от кургана с ярко выраженной центральной могилой к «равноправному» расположению большого числа захоронений (до 39). Погребения совершались по обряду ингумации, преобладающее положение тела — на спине, с согнутыми в коленях ногами и поднятыми вверх коленями. Сопроводительный инвентарь наиболее разнообразен на начальном этапе культуры, но ближе к финалу его количество значительно уменьшается.

Особое значение имеют многочисленные художественные изделия, а также изображения на плитах, используемых в качестве строительного материала. В последнее десятилетие существенно возросло количество таких объектов, обнаруженных в могилах (Поляков, Есин, 2015; 2017). С одной стороны, это позволило установить, что даже в самых ранних памятниках присутствуют уже полностью сформировавшиеся образцы искусства, с другой — прослеживается выраженная смена стилей изображений от ранних захоронений к поздним.

Стоянок этого времени известно мало. Большинство материалов залегает в одном слое с артефактами предшествующей афанасьевской культуры. Исключение составляет грот Све-Таг, где слои этих культур последовательны. Особой категорией памятников являются горные крепости-«све», носящие оборонительный характер. Хозяйственная модель окуневского населения основывалась на скотоводстве с преобладанием в составе стада мелкого рогатого скота. Рыбную ловлю и охоту практиковали в меньшей степени, а свидетельства земледелия отсутствуют. Объекты, связанные с металлургией, пока не изучены. На раннем этапе использовалась исключительно мышьяковая медь, а с черновского этапа появляются изделия из оловянной бронзы.

На раннем этапе развития культуры наблюдается высокая степень вариативности краниологических типов. Мужские серии представлены исключительно брахикранными европеоидами, не связанными с предшествующим афанасьевским населением. Женские серии очень разнообразны и, в том числе, включают черепа с ярко выраженными монголоидными чертами. Постепенно происходит гомогенизация и вырабатывается общий в основе евро-

пеоидный тип с монголоидной примесью. Схожая ситуация наблюдается и по данным палеогенетики (Damgaard et al, 2018). Мужские линии (Y-ДНК) представлены преимущественно гаплогруппами Q и NO, а среди женских (mtДНК) преобладают восточноевразийские гаплогруппы A, C5c и D4.

Ранее считалось, что окуневская культура сформировалась на основе местного неолита под влиянием афанасьевской культуры (Г.А. Максименков). Однако в последние десятилетия стала преобладать гипотеза о миграционном характере её сложения. Для самых ранних захоронений характерно сочетание мужчин-европеоидов и разнообразных типов женщин, в том числе и чистых монголоидов, что подчёркивает многокомпонентный характер этой культуры. Предполагается, что с юго-запада, повторяя путь афанасьевских племён, пришли новые скотоводческие коллективы, состоящие из мужчин-европеоидов. Здесь они частично восстановили гендерное равновесие за счёт женщин из постнеолитических таёжных племён Саяно-Алтая.

Схожую картину антропологи фиксируют для популяций каракольской и елунинской культур, где тоже фиксируется разделение по гендерному признаку. Мужчины имеют европеоидные признаки, а женщины представлены преимущественно монголоидной ветвью. Согласно концепции А.А. Ковалёва, чемурчекская культура сложилась в результате миграции значительных групп населения. В результате наблюдается картина формирования в ходе единого миграционного процесса целого блока синхронных археологических культур. Фиксируется приход нового, преимущественно мужского европеоидного населения. Стоит отметить, что эти популяции имеют разные культурные и антропологические признаки, но их общность прослеживается в сфере религиозных представлений и обрядовой практике (Поляков, 2010б; Лазаретов и др., 2012; Лазаретов, Поляков, 2017; 2018а; 2018в). Можно предположить, что речь идёт о продвижении на запад разнокультурных мужских коллективов («военный поход»), объединённых общими религиозными представлениями.

История развития представлений о хронологии. Материалы окуневского типа были отмечены С.А. Теплоуховым, но не выделены в самостоятельную культуру. М.Н. Комарова считала их ранним этапом андроновской культуры, а А.Н. Липский и Л.Р. Кызласов — поздним этапом афанасьевской. Таким образом, даже до выделения самостоятельной культуры окуневские материалы заняли определённую хронологическую нишу между афанасьевской и андроновской культурами.

Выделение окуневской культуры произошло в середине 1960-х гг. после раскопок Г.А. Максименковым уникального могильника Черновая VIII. Эта культура дополнила схему С.А. Теплоухова. Г.А. Максименков был последовательным сторонником теории «автохтонизма» и не предполагал какого-либо заметного периода сосуществования различных культур в энеолите и бронзовом веке. На основании некалиброванных радиоуглеродных дат афанасьевской культуры и дат, предложенных К.В. Сальниковым для андроновской культуры, он относил окуневские памятники к XXI–XVII вв. до н. э.

М.Д. Хлобыстина предполагала их частичную синхронность афанасьевским древностям. Она разделяла окуневские памятники на четыре типа, имеющих отчасти хронологическое значение. Э.Б. Вадецкая на основе ограниченного ареала андроновских памятников на Енисее предположила частичную синхронность поздней окуневской (на юге) и андроновской (на севере) культур. Она отмечала определённую эволюцию окуневских памятников, выделяя признаки ранней и поздней групп, и считала, что их бытование ограничивается XVIII–XIII вв. до н. э.

Новый этап работ начался в середине 1990-х гг., когда была исследована большая группа памятников (Уйбат III, Уйбат V, Верхний Аскиз, Пистах, Черновая XI). На основе собственных стратиграфических наблюдений И.П. Лазаретов сделал вывод о разделении окуневской культуры на два последовательных этапа: уйбатский и черновский. Позднее Д.Г. Савинов дополнил эту схему, выделив завершающий разливский этап. В настоящее время И.П. Лазаретов продолжает развивать эту концепцию и выделяет в соста-

ве культуры уже пять хронологических горизонтов. Одной из последних системных работ, посвящённых хронологии окуневских памятников, стала концепция Л.А. Соколовой, в которой предположено разделение на четыре последовательных хронологических этапа.

Одновременно была начата системная работа по радиоуглеродному датированию образцов из окуневских памятников, которая позволила сформировать собственные абсолютные даты культуры.

Относительная хронология окуневских памятников. На современном этапе изучения отсутствуют доказательства продолжительного сосуществования афанасьевской и окуневской культур. Данные прямой стратиграфии и радиоуглеродные определения указывают на их относительную последовательность. Следует согласиться с мнением Г.А. Максименкова и М.П. Грязнова о коротком периоде сосуществования этих культур, что вытекает из миграционной концепции происхождения окуневских памятников. Яркие элементы, выделяющие наиболее ранние захоронения (катакомбы, ямы с заплечиками, новый уровень металлургии, своеобразная керамическая традиция, тас-хазинский художественный стиль и т. д.), не могут быть выведены ни из местных неолитических материалов, ни из афанасьевской культуры. Все они были принесены новой группой скотоводов-мигрантов, которые пришли в Минусинские котловины с запада в составе преимущественно мужских коллективов. Здесь, в Саяно-Алтае, они частично восполнили свою популяцию женщинами монголоидного облика из постнеолитических племён, переживших афанасьевское вторжение. Именно они привнесли в окуневскую культуру своеобразный колорит, связанный с охотничье-собираТЕЛЬскими традициями.

Отдельные элементы указывают на связь мигрантов с восточной частью катакомбной КИО: катакомбы, ямы с заплечиками, аналогичные погребальные «позы», аналогии среди металлических изделий (особенно ножи с черешковым насадом), традиция впускных могил, подзахоронения в уже су-

ществующие погребения, деформации черепа и т. д. Максимальное число таких маркеров фиксируется в самых ранних окуневских памятниках.

Предложено три схемы разделения памятников окуневской культуры на хронологические этапы или группы, причём последовательность ключевых могильников остаётся неизменной. Их различия связаны с разными концепциями происхождения окуневской культуры. М.Д. Хлобыстина и Л.А. Соколова — сторонники идеи Г.А. Максименкова о формировании этой культуры на основе местного неолита. Их концепции предполагают продолжительное сосуществование части населения окуневской культуры и афанасьевских мигрантов. Однако современные данные археологии и естественнонаучных дисциплин этого не подтверждают.

Большинство специалистов поддерживает концепцию И.П. Лазаретова, дополненную Д.Г. Савиновым. Согласно ей окуневская культура представлена тремя хронологическими этапами: уйбатским, черновским и разливским.

Уйбатский этап — наиболее ранний хронологический горизонт окуневских памятников. Погребальные сооружения возводились преимущественно из крупных каменных блоков, центральная могила была выделена, имелось надмогильное сооружение (Лазаретов, Поляков, 2018б). Второстепенные погребения располагались вокруг центрального. Основные типы могил — большие грунтовые ямы, катакомбы и ямы с заплечиками (Поляков, 2020). Положение тела погребённого — на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, или на боку (чаще женщины), головой в западном направлении.

Глиняные сосуды баночной формы орнаментированы по всей поверхности, включая дно (иногда встречается мотив «соляренный символ»). Основные виды узоров — ряды крупных акцентированных наколов концом палочки. Под венчиком часто встречается один ряд «жемчужин», выдавленных изнутри палочкой. На внешнюю поверхность сосудов наносили рисунки охрой. Металлические изделия изготавливали из меди с естественной присадкой мышьяка (мышьяковая медь): ножи с черешковым насадом; обоюдоострые

шилья квадратного сечения; игольники, свёрнутые из медного листа. Из других ведущих типов артефактов можно отметить мраморные шары с отверстиями (находились на поясе только у мужчин), костяные колечки с насечками, костяные ножи из рёбер животного. В могилах женщин иногда встречается большое количество просверленных клыков животных, вероятно, нашивавшихся на одежду. На плитах сооружений фиксируются изображения в тас-хазинском художественном стиле.

Черновский этап объединяет памятники развитого периода окуневской культуры. Для него характерна стандартизация всех элементов погребального обряда. Из употребления выходит всё редкое, уступая место типологическому единообразию. Курганы и все сооружения возводятся исключительно из плит песчаника. Центральная могила не выделяется из общего ряда. Подавляющее большинство могил оформлено в виде каменных ящиков, изредка встречаются небольшие грунтовые ямы. Дно могил часто бывает наклонным и выстилается каменными плитками. Положение тела погребённого — только на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой в западном направлении.

Глиняная посуда приобретает более вычурные формы, исчезают узор из «жемчужин» и окраска поверхности охрой. На смену крупным наколам приходит орнаментация мелкозубчатым штампом по поверхности. Дно сосудов декорировано не всегда, а вариации «солярных» мотивов становятся разнообразнее. Характерный элемент орнамента — группы горизонтальных линий под венчиком и у дна. В половине случаев изделия из меди легированы оловом. Это чрезвычайно важный фактор, вероятно связанный с влиянием сейминско-турбинского феномена. Происходит изменение типа ножей и, возможно, способа их насада. В могилах обнаружено больше украшений из бронзы; так, появляются височные кольца большого диаметра. Среди сопроводительного инвентаря зафиксированы приспособления для рыбной ловли: зажимные остроги, иглы для вязания сетей, рыболовный крючок. Известны находки грузил для сетей и лодочного якоря. Кардинально меняется стили-

стика художественных изображений и изделий. Полностью исчезают изображения, выполненные в тас-хазинском стиле. На смену им приходят иные стилистические каноны, хронология которых требует более детального изучения. В могилах встречаются особые категории изделий: костяные пластинки с изображением в верхней части женского лица с распущенными волосами и серьгами в виде набора колец и стеатитовые «головки» — объёмные изображения женской головы с теми же признаками.

Разливский этап — к нему относятся памятники финала окуневской культуры. Наблюдаются процессы деструкции обряда. Размещение могил по площади ограды теряет систему. Наиболее широко представлена традиция подзахоронений в уже существующие могилы, при этом погребённые часто размещаются «валетом». Глиняные сосуды в могилы не помещали. Количество бытовых предметов в могилах становится минимальным, но увеличивается число детских «игрушек», художественных вещей и ритуальных предметов. Наблюдаются изменения в художественных стилях — появляются изображения «тощих быков». Особое значение имеет распространившаяся традиция затылочных трепанаций.

Финал окуневской культуры традиционно связывают с вторжением с северо-запада андроновских (фёдоровских) племён. Они заняли северную часть Минусинских котловин вплоть до места впадения р. Абакан в Енисей. Предполагается, что андроновская экспансия была на определённом этапе остановлена. Как объяснение этого возникла гипотеза, предполагающая сохранение окуневского населения в южных районах вплоть до начала карасукского периода и участие в сложении этой популяции. Однако в настоящее время прямые доказательства, подтверждающие эту гипотезу, отсутствуют. Известные памятники разливского этапа размещаются на севере в зоне андроновского вторжения и не несут свидетельств контактов двух популяций. Таким образом, на юге Минусинских котловин наблюдается определённая лакуна. На сегодняшний день на этой территории не известны какие-либо памятники, относящиеся к XVII–XV вв. до н. э. Если допустить, что там про-

должали проживать окуневские племена, то после обнаружения их следов будет выделен ещё один, более поздний этап развития культуры.

Радиоуглеродные даты. После проведения тщательной критики источников к анализу можно привлечь 61 радиоуглеродное определение (Поляков, 2017в). На их основании период существования памятников окуневской культуры следует определять концом XXVI — XVIII в. до н. э. Время контакта населения афанасьевской и окуневской культур датируется концом XXVI — началом XXV в. до н. э. Его протяжённость, по данным радиоуглеродного анализа, не превышает 100 лет, а скорее, ещё меньше. Несмотря на сложности, связанные с традициями позднейших подзахоронений и перемещения костей погребённых в другие могилы, удалось суммировать радиоуглеродные данные по отдельным этапам. Уйбатский этап можно датировать концом XXVI — XXIII в. до н. э., черновский — XXII–XX вв. до н. э. и разливский — XIX–XVIII вв. до н. э. Хронологическая граница с андроновскими памятниками может быть установлена на рубеже XVIII–XVII вв. до н. э. Специальное исследование не выявило наличия резервуарного эффекта для материалов окуневского времени (Svyatko et al, 2017б). Интересные параллели в рамках установленных хронологических дат можно провести с памятниками других регионов, например с кротовской культурой (Поляков, 2018).

Раздел 2.3. Андроновская (фёдоровская) культура в Минусинских котловинах

Краткая характеристика. Андроновские (фёдоровские) племена появились на Среднем Енисее в результате миграции нового населения предположительно с территории казахстанских степей через Западную Сибирь. Важнейшей отличительной чертой мигрантов была новая хозяйственная модель, опирающаяся на иной тип скотоводства. Зона расселения нового населения ограничена только степной и лесостепной частью и не затрагивает подтаёжную зону. Более того, андроновские памятники встречаются только в северной части Минусинских котловин, не заходя южнее места слияния рек Абакан и Енисей, за исключением единственного погребения в аале Сартыков. Существует гипотеза, что южнее продолжало проживать окуневское население, сохранявшееся там до начала карасукского времени.

Раскопки проводились на 35 различных могильниках, где исследовано свыше 200 курганов (около 420 могил). Они расположены по берегам озёр или крупных рек и содержат до 50–60 курганов. Каждое сооружение представляет собой ограду из камня диаметром обычно 5–10 м, к которой могут быть сделаны пристройки. Разнообразны как формы оград (круглые, квадратные, прямоугольные), так и способы их строительства (вертикально вкопанные плиты или горизонтальная кладка). Над могилой насыпался земляной холм, обычно заполняющий всё внутреннее пространство ограды. Фиксируются грунтовые могильники и отдельные детские кладбища, копирующие некрополи взрослых.

Чаще всего в центре ограды располагается одна могила. В обширной грунтовой яме может находиться каменный ящик, циста, деревянная рама или даже тын. Перекрытие тоже может быть сооружено из брёвен или каменных плит, встречаются комбинированные варианты. В могиле похоронен один, реже — два человека. Основной обряд — ингумация (95%) головой на юго-запад, скорченно на боку (обычно левом), со сложенными вместе и согнутыми в локтях руками и расположенными перед лицом кистями

рук (поза «адорации»). Гораздо реже (около 5% случаев) в могилах фиксируются трупосожжения, выполненные на стороне. Сопроводительный инвентарь представлен глиняными сосудами: горшки с лощением и «богатым ковровым» орнаментом на основе косой сетки, а также проще украшенные банки. Вероятно, значительную долю инвентаря составляла деревянная посуда, практически не сохранившаяся в погребениях. В могилах встречаются различные украшения и элементы одежды, обоюдоострые квадратного сечения шилья, изредка — костяные игольники с бронзовыми иглами. Иногда (до 10%) в могилах сохранились остатки сопроводительной пищи в виде костей овцы или коровы.

Поселения изучены крайне слабо. Известно только одно наземное сооружение (Ключи) размерами 70×30 м, детали конструкции которого проследить не удалось. В слоях стоянок преобладают кости крупного рогатого скота и лошадей. В отличие от афанасьевского и окуневского населения, практиковавшего круглогодичный выпас, андроновские племена, вероятно, использовали стойловое зимнее содержание скота с заготовкой необходимого количества корма. Роль охоты значительно снизилась, нет и свидетельств земледелия.

Антропологические данные указывают на отсутствие связи с какими-либо предшествующими популяциями Южной Сибири. Все компоненты в составе андроновских (фёдоровских) краниологических серий Минусинских котловин восходят к протоевропейскому типу. Данные палеогенетики вновь фиксируют полную смену населения. По филогенетическим данным, по мужской линии (Y-ДНК) на смену гаплогруппам Q, NO, R1b приходит ранее неизвестная на этих территориях линия — R1a, которая является «маркером» андроновских коллективов. По женским линиям (mtДНК) в результате анализа 21 образца зафиксированы только четыре гаплогруппы: H, T, K и U, относящиеся к западноевразийским.

Таким образом, естественнонаучные данные подтверждают миграционный характер появления андроновского (фёдоровского) населения в Ми-

нусинских котловинах и отсутствие взаимной ассимиляции с представителями местных окуневских племён. Наиболее вероятной выглядит картина военного противостояния, что, возможно, привело к созданию сети окуневских крепостей-«све». Отражением этого конфликта являются кремнёвые наконечники стрел окуневского типа, встречающиеся в телах погребённых представителей андроновского населения.

История развития представлений о хронологии. Андроновская культура впервые была выделена именно в Минусинских котловинах С.А. Теплоуховым. Финал её бытования он относил к рубежу I тыс. до н. э. Следующий этап исследований связан с работами С.В. Киселёва, который считал андроновские памятники сложившимися на основе афанасьевской культуры. Основанием стали окуневские материалы, одна часть которых (впускные могилы) была внесена в состав афанасьевских памятников, а другая (собственно курганы) включена в круг андроновских источников. Синхронизируя андроновские памятники Минусинских котловин со срубными древностями, он датировал их XVII/XVI–XIII/XII вв. до н. э.

Значительное место в своих работах андроновской проблематике уделяла М.Н. Комарова. Она первая предложила выделить самостоятельный ранний окуневский этап в составе андроновской культуры на Енисее и указала на хронологическую последовательность этих памятников. На основании работ Красноярской экспедиции Г.А. Максименков написал обобщающий труд «Андроновская культура на Енисее» и предложил её датировку в пределах XVII(XVI)–XIV вв. до н. э. Он исходил из точки зрения К.В. Сальникова о большей древности фёдоровских памятников по сравнению с алакульскими. Э.Б. Вадецкая рассматривала их хронологию в ключе новой концепции о большей древности алакульской культуры и предлагала даты XIII–XI вв. до н. э. В дальнейшем обобщающие работы по хронологии этих памятников не выходили, а на основании серий калиброванных радиоуглеродных дат возраст культуры определялся XVII–XV вв. до н. э.

Проблемы относительной хронологии. Никто из исследователей, начиная с С.А. Теплоухова, не сомневался в миграционном характере появления андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее. Определён путь продвижения этих племён из Казахстана: на северо-восток через Западную Сибирь, Мариинский лесостепной коридор и далее на юг вдоль Енисея. Иная хозяйственная модель, основанная на преобладании в стаде крупного рогатого скота и лошадей, а также, возможно, их стойловом содержании, предопределила другие требования к размещению поселений. Андроновские (фёдоровские) памятники встречаются только на широких степных пространствах вблизи крупных водных источников. Представителей нового населения не устраивали ни предгорная зона, ни узкие долины маленьких рек, где чаще всего размещались памятники предшествующей окуневской культуры. В результате эти сообщества занимали в целом разные природно-экологические ниши. На сегодняшний день отсутствуют как археологические, так и естественнонаучные доказательства ассимиляции этих двух популяций. Косвенные свидетельства контактов указывают на военное противостояние. Такая модель предполагает возможность значительного периода сосуществования двух культур. После вторжения мигрантов окуневское население могло быть оттеснено на юг и в подтаёжную периферийную зону, которая вполне комфортна для их хозяйственной модели. Нельзя исключать, что они могли сохранять своё присутствие вплоть до начала нового карасукского периода и частично участвовать в сложении новой популяции. Однако следует признать, что данная идея, поддержанная многими исследователями, по сути является гипотетической. Пока не выявлено ни одного окуневского памятника, который может рассматриваться как синхронный андроновской (фёдоровской) культуре.

Остаётся нерешённой проблема относительной хронологии андроновских памятников. Период пребывания андроновских племён на Среднем Енисее сравнительно короткий и составляет не более 300 лет, а возможно, и меньше. Имеющиеся археологические материалы малочисленны и, по сути,

монолитны, что не даёт возможности для построения относительной хронологии отдельных сооружений в рамках могильников. Именно поэтому исследователи, включая Г.А. Максименкова, не пытались выделить хронологические этапы развития культуры. Пока остаётся маловероятным создание подобных построений.

Финал пребывания андроновских (фёдоровских) племён на Среднем Енисее — сложная и пока недостаточно изученная тема. Традиционно предполагалось, что они послужили основой формирования новой популяции карасукского периода. Однако современные исследования указывают на появление в это время новой группы населения, также имеющего андроновскую подоснову, но с элементами алакульских признаков (Поляков, 2009в). Учитывая ареал наиболее ранних групп новых мигрантов в центральной части Минусинских котловин, складывается впечатление, что фёдоровские племена пропустили их через свою территорию и отдали пограничный район, где продолжалось противостояние с окуневским населением. При этом сами они отступили на север в Назаровскую котловину. В результате между двумя группами населения (фёдоровской и раннекарасукской) образовалась пограничная линия по Солгонскому кряжу. Вдоль неё в могильниках наблюдаются случаи механического смешения конструкций, артефактов и обрядов двух культур (Поляков, 2008б). Вероятно, просуществовав в Ачинско-Мариинской лесостепи ещё непродолжительное время, андроновские (фёдоровские) племена окончательно сходят с исторической арены, сменяясь карасук-лугавским (II этап) и ирменским населением.

Радиоуглеродные даты. Первые радиоуглеродные даты андроновских (фёдоровских) памятников Минусинских котловин, полученные в 1960–1970-х гг. (17 определений), показали удивительный разброс, превышающий 3000 лет. Однако современные результаты радиоуглеродного анализа, полученные в лабораториях Берлина, Белфаста и Кембриджа (24 определения), демонстрируют очень чёткую и компактную картину, хорошо сочетающуюся с археологическими представлениями об этом периоде. Их сум-

марная дата укладывается в XVII–XV вв. до н. э. (Поляков, 2019б), что позволяет полностью отказаться от ранее выполненных анализов и опираться исключительно на новые данные исследований.

Анализ радиоуглеродных дат по отдельным могильникам показывает, что крупные кладбища из 50–60 курганов полностью укладываются в этот хронологический период — 300 лет. На данный момент радиоуглеродные определения окуневской и андроновской культур пересекаются в пределах XVIII–XVII вв. до н. э. без заметного наложения. Схожая картина наблюдается в отношении андроновских и раннекарасукских памятников, пересечение которых приходится на конец XV в. до н. э. Эта верхняя граница андроновских памятников фиксируется не только на Среднем Енисее, но и на огромных пространствах от Урала до Алтая без сколько-нибудь заметных отличий. В то же время нижняя граница в относительно западных районах (Восточный Казахстан и Западная Сибирь) фиксируется заметно раньше (XX–XVIII вв. до н. э.), что подтверждает относительно поздний период появления этого населения в Минусинских котловинах (XVII в. до н. э.).

ГЛАВА 3. ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН

Краткая характеристика. Поздний период эпохи палеометалла — чрезвычайно интересный и насыщенный эпизод в истории Минусинских котловин. Он охватывает хронологический отрезок от финала андроновской (фёдоровской) культуры до начала скифского времени. Традиционно эти памятники объединялись в понятие карасукской культуры, однако накопившиеся данные фиксируют в этот период несколько инфильтраций различных по происхождению и культурным признакам популяций, значительно меняющих облик всего общества. Вероятно, тогда произошло значительное развитие навыков использования лошади — на памятниках появляются стержневидные псалии; впервые фиксируется традиция земледелия (просо); металлургия выходит на новый технологический уровень (Поляков, 2015а). Подробная хронологическая схема этого периода позволяет выделять четыре этапа, состоящих из восьми хронологических горизонтов (Поляков, 2002; 2006б; Лазаретов, Поляков, 2008; Поляков, 2013). Этим культурным этапам присвоены названия: I этап — карасукский; II этап — карасук-лугавский; III этап — лугавский; IV этап — баиновский. Термин «каменноложский», предложенный М.П. Грязновым, использовать не корректно, так как эпонимное поселение Каменный Лог I имеет продолжительную хронологию, включая материалы раннего «классического» облика.

Ареал этих памятников постоянно расширяется. Наиболее ранние из них (горизонт I-а) занимали только центральную часть Минусинских котловин. На II этапе их территория была уже полностью освоена, а к III-IV этапам свидетельства контактов появляются в Мариинской лесостепи и даже Кузнецкой котловине.

Погребальные памятники весьма разнообразны, так как отражают различные культурные традиции. Раскопано свыше 3500 курганов в 170 могильниках. Для ранних этапов (I и II) характерны немногочисленные, очень крупные могильные поля, иногда насчитывающие тысячи курганов. Поздние па-

мятники III–IV этапов — это небольшие кладбища (не более нескольких десятков курганов), распространённые значительно шире. Курганы представляют собой каменные ограды различных форм и типов с одиночным погребением в центре и небольшим надмогильным сооружением. Ориентировки и положение тела бывают самыми разными, так же как наборы и типы сопроводительного инвентаря. Одной из важных объединяющих черт является наличие в могиле строго определённого набора костей животного (сопроводительная мясная пища). Традиция не предполагала помещение в могилу оружия или орудий труда, поэтому основные категории инвентаря — это керамика, элементы женского костюма и ножи.

Известно около 30 поселений этого времени, но раскопки проводились только на 11, которые относятся ко II и III этапам. На них зафиксированы котлованы жилищ полуземляночного типа, зачастую соединённые переходами. Жилище внутри делилось перегородками на части. При раскопках поселения Торгажак удалось зафиксировать «лежанки». В целом нет сомнений, что данная домостроительная традиция восходит своими корнями к андроновской КИО. Находки в основном представлены фрагментами глиняной посуды, а также изделиями из кости и рога (псалии, наконечники стрел, проколки, скобели, чесала и т. д.). Известны обломки зернотёрок, каменные грузила для сетей, песты, каменные диски. Следов кремнёвой индустрии нет.

На основании анализа обнаруженных костей животных можно реконструировать близкий к андроновскому тип хозяйства, с преобладанием в стаде крупного рогатого скота и лошадей. Вероятно, для I–II этапов хозяйственная модель предполагала стойловое содержание. Свидетельства охоты и рыболовства известны, но немногочисленны. Изотопный анализ состава костей человека демонстрирует использование в пище проса, что является наиболее ранним в регионе свидетельством земледелия. Находки предметов бронзолитейного производства (фрагменты литейных форм, льячки) пока очень мало численны.

В конце XV в. до н. э. на обширных степных и лесостепных территориях происходит переход от андроновской КИО к широкому кругу постандроновских культур. Минусинские котловины стали крайней северо-восточной территорией этого процесса. В восточной части Западной Сибири в тот момент формируются еловская и ирменская культуры, имеющие отдельные схожие элементы с синхронными памятниками Минусинских котловин (Поляков, 2006в; 2010а). К югу, на Верхнем Енисее, известны племена оставившие памятники монгун-тайгинского типа, изучение которых затруднено в силу безынварного обряда захоронения. В долинах Западного Саяна недавно были выделены памятники «иджимского» типа, сочетающие монгун-тайгинский обряд и конструкции могил с инвентарём погребений периода позднего бронзового века Минусинских котловин (Александров и др., 2015; Амзараков, Лазаретов, Поляков, 2015).

Данные антропологии и палеогенетики в силу различных причин пока не удаётся сопоставить с уже сложившейся дробной хронологической схемой. При суммарной характеристике всего периода позднего бронзового века специалисты этих дисциплин отмечают исключительную смешанность населения. Фиксируются как европеоидные, так и монголоидные признаки. Современные антропологические исследования указывают на связь с популяциями андроновского населения Казахстана и Верхней Оби, не обнаруживая сходства с окуневским и местным андроновским населением.

Результаты новейших археологических исследований позволяют предполагать, что начало этого периода связано с очередной крупной миграцией с запада (из Казахстана) большой группы населения, несущей в керамической традиции ряд посталакульских компонентов. В дальнейшем на более развитых стадиях наблюдаются разные по масштабам инвазии инокультурных коллективов с юга, сочетающих постандроновские и центральноазиатские признаки, что коренным образом меняет не только культурный ландшафт, но и в целом хозяйственную модель общества.

История развития представлений о хронологии. Впервые памятники этого периода были выделены С.А. Теплоуховым под наименованием карасукская культура (Поляков, 2010в). Он считал их развивающимися на местной основе под влиянием юго-восточного компонента, и датировал «около I тыс. до н. э.». Эту точку зрения поддерживал и С.В. Киселёв, прямо указывая на значительную инфильтрацию переселенцев из Китая и предложив датировку в пределах 1200–700 гг. до н. э.

В ходе работ Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР было изучено около 1500 погребений периода позднего бронзового века, в результате чего объём источников вырос более чем в восемь раз. Особое внимание уделялось массовому изучению крупных некрополей: Сухое Озеро II (550 погр.), Малые Копёны III (285 погр.), Кюргенер I–II (183 погр.) и другие (Грязнов и др., 2010). В результате М.П. Грязнов предложил концепцию разделения карасукской культуры на два последовательных этапа: ранний карасукский («классический»), датируемый XIII–XI вв. до н. э., и поздний каменноложский, X–IX вв. до н. э. Он не предполагал массовой смены населения и все процессы рассматривал как результат инфильтрации незначительных групп, связывая это с переходом к новым формам хозяйствования.

Принципиально иную позицию занимали Н.Л. Членова, Э.А. Новгородова и М.Д. Хлобыстина. Их гипотезы расходились в деталях, но суть была одной. Они предполагали продолжительное параллельное проживание в Минусинских котловинах нескольких различных по происхождению популяций со своими культурными признаками и связывали энеолитические культуры с финалом бронзового века.

Большое значение в исследованиях сыграла пока не опубликованная работа Г.А. Максименкова о раскопках могильника Сухое Озеро II, в которой он показал возможность более дробного хронологического деления этих памятников. Впоследствии это позволило А.В. Полякову и И.П. Лазаретову представить свою концепцию разделения периода позднего бронзового века на четыре этапа, включающих восемь хронологических горизонтов.

Относительная хронология памятников. Сложение I (карасукского) этапа периода позднего бронзового века происходит в результате миграции нового постандроновского населения с запада, предположительно с территории казахстанских степей. Эти племена отличает устойчивый и сформированный погребальный обряд, не имеющий истоков в местных фёдоровских памятниках (Поляков, 2009б; 2009в). Погребения совершаются в качественно выполненных каменных ящиках (опущенных в яму), только по обряду ингумации, головой на северо-восток, и характеризуются уникальным положением тела на боку вполоборота (Поляков, 2009а). Перед лицом покойного устанавливается сопроводительная пища в глиняном сосуде, на уровне пояса — деревянное блюдо с определённым набором кусков мяса (овца, корова или лошадь) и ножом. Керамика отлична от фёдоровской посуды, что наблюдается в технологии, формах и орнаментации, а по отдельным элементам она восходит к алакульской традиции. Кроме того, новых мигрантов характеризует высокий уровень технологии производства бронзовых изделий (ножи особой формы), отливаемых в двустворчатых формах с присадкой значительного количества олова (Поляков, Хаврин, 2007).

Вероятно, эти группы населения были пропущены родственными фёдоровскими племенами через свою территорию до пограничных районов с продолжающим сопротивление окуневским населением. Там они заняли Чулымо-Енисейскую и Сыда-Ербинскую котловины, а андроновское (фёдоровское) население отступило на север в Назаровскую котловину. В результате между Назаровской и Чулымо-Енисейской котловинами наблюдается пограничная линия, где фиксируется смешение обрядов двух культур, что свидетельствует о периоде сосуществования. Кроме того, в материалах наиболее ранних карасукских погребений изредка встречаются сосуды, имеющие аналогии в памятниках еловской культуры Западной Сибири (Поляков, 2008б). Вероятно, это является маркером, демонстрирующим, через какие территории происходило продвижение мигрантов на восток.

В дальнейшем, освоив центральную часть Минусинских котловин, карасукские племена начали экспансию на юг, что характеризует формирование хронологического горизонта I-б. Фиксируется появление новых кладбищ вдоль течения р. Абакан. Вероятно, сопротивление окуневских племён было сломлено и Минусинские котловины полностью перешли под контроль нового населения. Это обеспечило им выход к путям, связывающим данные территории с Верхним Енисеем, что предопределило появление новых контактов и, как результат, сложение II этапа периода позднего бронзового века. В финале I этапа фиксируется инфильтрация в состав карасукского населения инокультурных замкнутых коллективов со своим особым обрядом, курганы которых в составе общих могильников образуют отдельные анклав.

II (карасук-лугавский) этап периода позднего бронзового века характеризуется сохранением в целом прежнего населения, но постепенной сменой в могилах типов сопроводительного инвентаря. Все нововведения распространяются с юга, а на севере максимально долго сохраняются традиции I этапа, в результате наблюдается отчётливое районирование (Савинов, Поляков, 2007). В южных памятниках происходит смена ориентации погребённых на противоположную (головой на юго-запад). По всему ареалу фиксируется смена ведущих типов керамики. Сосуды с уступом полностью исчезают, появляется посуда, орнаментированная по шейке несколькими горизонтальными линиями (обычно тремя). Кардинально меняются типы ножей — в месте перехода от лезвия к рукоятке теперь имеется шип. Появляются несколько типов уникальных наверший: зооморфные, грибовидные, с «кнопками» на кольце. Все они имеют аналогии в памятниках Северного Китая. Происходит кардинальное изменение женского костюма. Появляется большое количество принципиально новых типов бронзовых украшений: ярусные бляшки, «гвоздики», пуговицы с петелькой. Часть из них обнаружена только в погребениях женщин: лапчатые привески, перстни с двумя конусами, «зеркала» (Поляков, 2000; 2005а; 2005б; 2006а; 2008а; 2011). На данный момент сложно установить, какова была доля нового населения, принесшего с собой все эти новов-

ведения, и каким образом проходили процессы взаимной ассимиляции. На поселении Торгажак, относящемся к финалу II этапа, впервые фиксируются стержневидные псалии.

III (лугавский) этап периода позднего бронзового века в целом соответствует памятникам каменнолоожского этапа по хронологии М.П. Грязнова. Он подразделяется на три последовательных хронологических горизонта. Происходят существенные изменения во всех областях, что могло быть связано с появлением нового населения, продвинувшегося с юга. Гигантские могильники прекращают своё существование, им на смену приходит огромное число небольших кладбищ. Вместо плитняка используется обломочный камень и дерево. Могилы оформляются в виде грунтовых ям и срубов. Ориентировка погребённых полностью меняется — головой в юго-западный сектор, умерших хоронят в вытянутом положении на спине. В могилах появляются новые типы сосудов, которые не могут быть результатом эволюционного развития керамики I и II этапов — яйцевидные и шаровидные формы большого объёма с расчёсами по поверхности. Это принципиально иная керамическая традиция. Наряду с сохранением и трансформацией части уже известных категорий бронзовых изделий (лапчатые привески, перстни, «зеркала»), появляется значительное число совершенно новых: коленчатые ножи, бляхи-розетки, треугольные бляшки с пуансонным орнаментом, предметы неизвестного назначения (ПНН) и т. д. Старые традиции некоторое время сохраняются в самом консервативном северном районе, возможно, вместе с прежним населением. Вероятно, к формированию III этапа привёл более мощный импульс нового населения, который повлиял не только на сопроводительный инвентарь, но также на погребальные обряды и конструкции могил.

IV (баиновский) этап является финальным для эпохи бронзы Минусинских котловин. Его можно охарактеризовать как новый период в который сохраняется население эпохи бронзы, подвергшееся влиянию представителей нового скифского времени. Большинство традиций и артефактов восходят своими истоками к эпохе бронзы и не претерпевают изменений по сравнению

с III этапом. Однако появляются и новые элементы, свойственные исключительно новой тагарской культуре, также сложившейся в результате очередной миграции. Период этот был очень коротким, однако можно проследить его разделение на два последовательных хронологических горизонта. Историческая судьба этого населения не совсем ясна: оно было полностью ассимилировано «скифами» или вытеснено куда-то на периферию.

Радиоуглеродная хронология и вопросы абсолютного датирования.

На современном этапе исследований известно 89 радиоуглеродных определений возраста, сделанных по образцам этого периода. После критики источников можно использовать 78 дат, из которых 73 относятся к погребальным памятникам. Их суммарный анализ позволяет датировать период позднего бронзового века Минусинских котловин концом XV — IX в. до н. э. Эти хронологические рамки хорошо согласуются с радиоуглеродными датами андроновской (фёдоровской) и тагарской культур. Предварительно выделенные этапы датируются следующим образом: I этап — конец XV — XIV в. до н. э.; II этап — XIII—XI вв. до н. э.; III этап — XI—IX вв. до н. э.; IV этап — рубеж IX—VIII вв. до н. э.

Начиная с С.А. Теплоухова, исследователи обращали внимание на аналогии предметам этого времени в Северном Китае. Сейчас накопилось значительное число подобных наблюдений, которые позволяют уточнить хронологию конкретных памятников на основании данных письменных источников Китая. Прослеживается две группы схожих предметов. Первая из них связывает большую группу ножей, встречающихся исключительно в могилах II этапа периода позднего бронзового века, с изделиями из поздних комплексов эпохи Шан—Инь (XII—XI вв. до н. э.). Сейчас к этому добавились и орнаментальные мотивы на керамике в виде свисающих треугольников. Вторая группа предметов отмечена в погребениях исключительно III этапа периода позднего бронзового века (коленчатые ножи) и имеет аналогии в комплексах эпохи Западная Чжоу (середина XI — начало IX в. до н. э.). Таким образом, на протяжении двух последовательных хронологических горизонтов в древней

истории Китая (периоды Шан–Инь и Западная Чжоу) и Минусинских котловин (II и III этапы периода позднего бронзового века) фиксируются аналогии в вещевом инвентаре (Поляков, 2015б). Сопоставление показывает, что даты, полученные в Минусинских котловинах исключительно на основании радиоуглеродного метода, в целом совпадают с хронологией китайских древностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха палеометалла Минусинских котловин охватывает значительный период древней истории от финала неолита до начала скифского времени. Современные результаты радиоуглеродного датирования позволяют оценивать его продолжительность в 2200 лет, в рамках XXX–IX вв. до н. э. Разработанные ранее концепции С.А. Теплоухова и М.П. Грязнова опирались на теорию автохтонизма, согласно которой смена археологических культур происходила с сохранением местного населения. Новейшие результаты исследований антропологов и палеогенетиков это не подтверждают. Данные естественных наук показывают, что при смене археологических культур наблюдается практически полное замещение одной популяции на другую. На основе этих данных и новейших археологических исследований в настоящей работе сформулирована новая концепция смены археологических культур и культурогенеза в регионе, опирающаяся на миграционную теорию.

Первыми мигрантами с запада были скотоводческие племена, оставившие афанасьевскую культуру (XXX–XXV вв. до н. э.). На современном уровне исследований доказана их связь с населением ямной КИО. Они заставили в Минусинских котловинах немногочисленное неолитическое население, которое, вероятно, оттеснили на таёжную периферию котловин.

Следующая миграционная волна европеоидов связана с формированием окуневской культуры (конец XXVI — XVIII вв. до н. э.). Это также были скотоводы, пришедшие в Минусинские котловины преимущественно мужскими коллективами. Гендерное равновесие они частично восполняли за счёт местного постнеолитического населения. Археологически это фиксируется на уйбатском этапе: появляются погребений женщин ярко монголоидного облика с традиционными для охотников и собирателей амулетами и нашивками из зубов животных. Окуневская культура прошла в своём развитии три последовательных этапа: уйбатский, черновский и разливский.

Третья волна западных мигрантов представлена племенами андроновской (фёдоровской) культуры, которые проникли на Енисей с северо-запада и

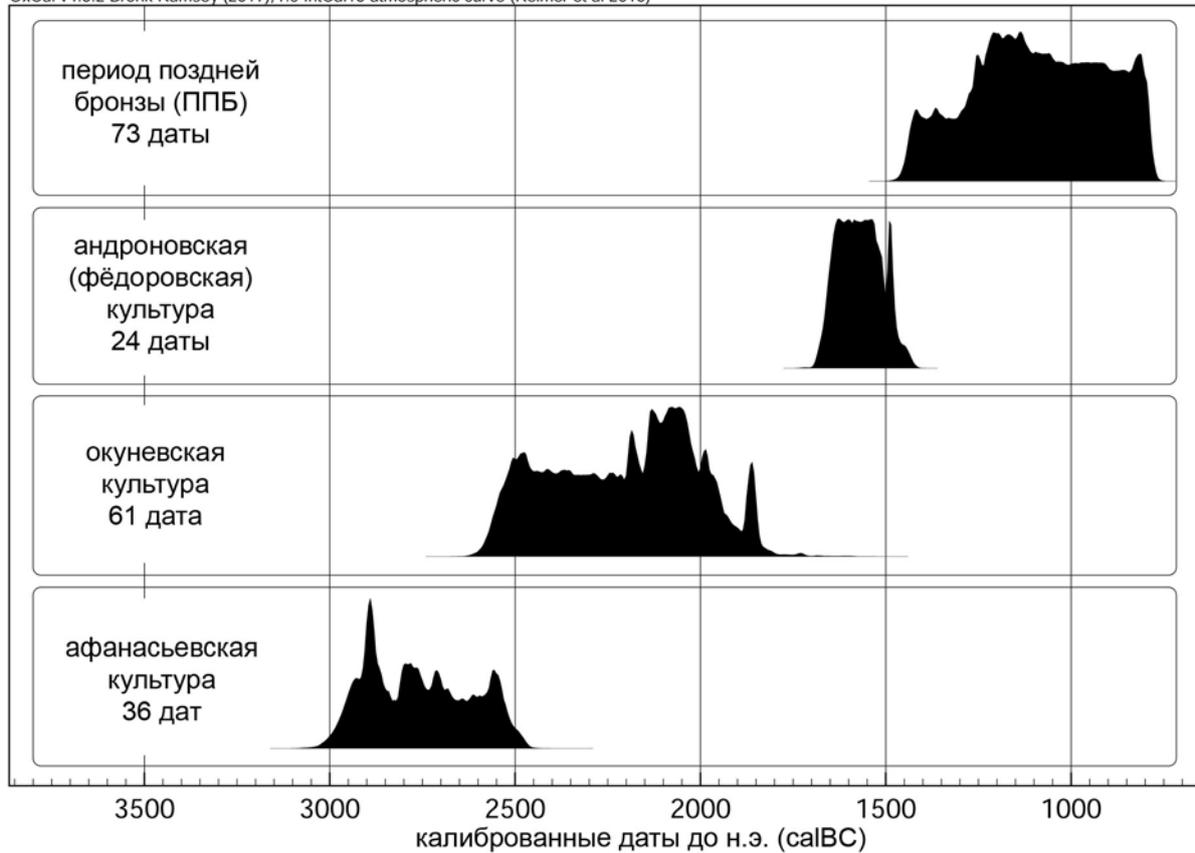
заняли северную часть Минусинских котловин (XVII–XV вв. до н. э.). Ими была принесена принципиально иная модель скотоводства, опирающаяся на разведение крупного рогатого скота и лошадей. Им так и не удалось захватить наиболее южную Минусинскую котловину, которая предположительно оставалась зоной обитания окуневским населением.

Четвёртая миграция с запада в конце XV в. до н. э. привела к появлению на Енисее карасукского населения, имеющего андроновские (алакульские) корни. Фиксируется четыре этапа его развития: I — карасукский; II — карасук–лугавский; III — лугавский; IV — баиновский. Очередная смена населения происходит на рубеже IX–VIII вв. до н.э. с появлением культуры скифского типа. Выделенные этапы ППБ маркируют проникновения на Средний Енисей групп нового населения, характеризующегося сплавом андроновских и центральноазиатских признаков. Вероятно, при смене этапов не происходило полной смены населения, так как фиксируются как процессы взаимной ассимиляции, так и сохранение ряда признаков предшественников.

Предложенная реконструкция жизни древнего населения исследуемого региона показывает существенную роль миграционных процессов, имевших место в XXX–IX вв. до н. э. Носители каждой из рассмотренных археологических культур появляются на Среднем Енисее в качестве мигрантов. Однако периоды появления, развития и полной смены населения на протяжении более 2000 лет пока изучены недостаточно. Проведённое исследование показывает, что хронология эпохи бронзы Минусинских котловин изучена крайне неравномерно — менее освещён финал окуневской культуры и начало вторжения на Средний Енисей андроновских (фёдоровских) племён. Хронология памятников Минусинских котловин является опорой для периодизации огромного Центральноазиатского региона. Предложенная и обоснованная в данной работе новая парадигма культурогенеза в регионе Минусинских котловин закладывает необходимый фундамент для дальнейшего изучения на современном научном уровне эпохи палеометалла Южной Сибири.

OxCal v4.3.2 Bronk Ramsey (2017); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

Сопоставление суммы вероятностей актуальных радиоуглеродных дат периодов эпохи палеометалла Минусинских котловин (функции Sum и Boundary)

Основные результаты исследования изложены в следующих публикациях.

Монографии:

1. Вадецкая Э.Б., **Поляков А.В.**, Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. — Барнаул: Азбука, 2014. — 380 с.
2. Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., **Поляков А.В.**, Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 200 с.

Статьи в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

3. Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. — 2015. — Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. — С. 72–83.
4. Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** Святилище раннего бронзового века в Туве // Археологические вести. — 2018в. — Вып. 24. — С. 83–93.
5. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Ковалёв А.А., Корневский С.Н., Кузьминых С.В., Молодин В.И., **Поляков А.В.**, Салугина Н.П. Международная конференция «Феномены культур энеолита — раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э.» (Оренбург, 16–19 апреля 2019 г.) // РА. — 2019. — №4. — С. 201–206.
6. **Поляков А.В.** Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. — 2006а. — №13. — С. 82–101.
7. **Поляков А.В.** Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // Stratum plus. — 2009б. — №2. — С. 451–482.
8. **Поляков А.В.** К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки Института истории материальной культуры РАН. — 2009в. — №4. — С. 90–109.
9. **Поляков А.В.** Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки Института истории материальной культуры РАН. — 2017в. — №16. — С. 52–74.
10. **Поляков А.В.** К вопросу о хронологическом соотношении материалов кротовской и окуневской культур (на примере могильника Сопка-2) // Записки Института истории материальной культуры РАН. — 2018. — №18. — С. 28–39.
11. **Поляков А.В.** Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. — 2019а. — №2 (26). — С. 91–108.
12. **Поляков А.В.** Радиоуглеродные даты памятников андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки Института истории материальной культуры РАН. — 2019б. — №20. — С. 163–173.
13. **Поляков А.В.** Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры // Археологические вести. — 2020. — Вып. 26. — С. 98–110.
14. **Поляков А.В.**, Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015. — Т. 43. №2. — С. 43–57.
15. Савинов Д.Г., **Поляков А.В.** Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические вести. — 2007. — №14. — С. 62–92.
16. Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J.V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Yediay F.E., Ullah I., Sjögren K-G., Iversen K.H., Choin J., de la

- Fuente C., Icardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., **Polyakov A.**, Omura S., Senyurt S.Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M.H., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Novembre J., Weber A.W., Orlando L., Allentoft M.E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A.K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science*. — 2018. — Vol. 360. Issue 6396. — P. 1422.
17. **Poliakov A.V.**, Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. — 2020. — Vol. 29. No. 102125. — P. 1–18.
  18. **Poliakov A.**, Svyatko S., Stepanova N. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the “shorter” chronology // *Radiocarbon*. — 2019. — Vol. 61 (1). P. 243–263.
  19. Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., **Polyakov A.V.**, Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. — 2009. — Vol. 51 (1). — P. 243–273.
  20. Svyatko S.V., **Polyakov A.V.**, Soenov V.I., Stepanova N.F., Reimer P.J., Ogle N., Tyurina E.A., Grushin S.P., Rykun M.P. Stable isotope palaeodietary analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. — 2017a. — Vol. 14. — P. 65–75.
  21. Svyatko S.V., Schulting R., **Poliakov A.V.**, Ogle N., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. — 2017b. — Vol. 9. — P. 1379–1388.
- Статьи в других изданиях:**
22. Александров С.В., Боковенко Н.А., Городилов А.Ю., Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 году // *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН*. — СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2015. — №5 (охранная археология). — С. 123–162.
  23. Лазаретов И.П., Морозов С.В., **Поляков А.В.** Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // *Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей*. — СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2018. — С. 51–56.
  24. Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы*. — Барнаул: Концепт, 2008. — С. 33–55.
  25. Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г. // *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН*. — СПб.: ИИМК РАН, 2017. — №6 (охранная археология). — С. 183–184.
  26. Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // *Теория и практика археологических исследований*. — 2018a. — №2 (22). — С. 21–46.
  27. Лазаретов И.П., **Поляков А.В.** Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // *Теория и практика археологических исследований*. — 2018b. — №3 (23). — С. 41–69.
  28. Лазаретов И.П., **Поляков А.В.**, Есин Ю.Н., Лазаретова Н.И. Новые данные по формированию окуневского культурного феномена // *Историко-культурное наследие и духовные ценности России*. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 130–136.

29. **Поляков А.В.** Соотношение половозрастных определений и бронзового инвентаря (по материалам погребений карасукской культуры) // *Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История.* — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. — С. 25–27.
30. **Поляков А.В.** Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // *Степи Евразии в древности и средневековье.* — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — С. 209–213.
31. **Поляков А.В.** Местонахождение лапчатых привесок в погребениях карасукской культуры // *Археология Южной Сибири: идеи, методы открытия.* — Красноярск, 2005а. — С. 47–49.
32. **Поляков А.В.** Гребни из комплексов карасукской культуры // *Западная и Южная Сибирь в древности.* — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005б. — С. 102–111.
33. **Поляков А.В.** Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2006б. — 26 с.
34. **Поляков А.В.** О соотношении материалов карасукской и ирменской культур // *Современные проблемы археологии России.* — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006в. — С. 449–451.
35. **Поляков А.В.** Хронология и локализация некоторых типов украшений (по материалам погребений карасукской культуры) // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии.* — Барнаул: Азбука, 2008а. — С. 79–82.
36. **Поляков А.В.** Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I.* — М.: Ин-т археологии РАН, 2008б. — С. 440–442.
37. **Поляков А.В.** Положение тела погребённого в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // *Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы.* — Абакан, 2009а. — С. 40–43.
38. **Поляков А.В.** К вопросу об участии еловской культуры в формировании памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Томск, 19–21 мая 2010 г.* — Томск: Аграф-Пресс, 2010а. — С. 356–357.
39. **Поляков А.В.** Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // *Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама, Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г.* — СПб., 2010б. — С. 75–80.
40. **Поляков А.В.** Карасукские могильники Окунев Улус I–II (раскопки С.А. Теплоухова 1926–1928) // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Памяти Я.В. Доманского посвящается.* — СПб., 2010в. — Вып. 38. — С. 30–49.
41. **Поляков А.В.** Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // *Афанасьевский сборник.* — Барнаул: Азбука, 2010г. — С. 144–158.
42. **Поляков А.В.** Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // *Афанасьевский сборник.* — Барнаул: Азбука, 2010д. — С. 158–171.
43. **Поляков А.В.** Соотношение пола погребённого и типов бронзового сопроводительного инвентаря в захоронениях эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее //

- Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. — Санкт-Петербург–Москва–Великий Новгород, 2011. — Т. I. — С. 75–80.
44. **Поляков А.В.** Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый 65-летию Ж. Курманкулова. — Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. — С. 401–416.
  45. **Поляков А.В.** Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Казань: Отечество, 2014а. — Т. I. — С. 478–481.
  46. **Поляков А.В.** К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). — Труды ИИМК РАН. Т. XLII. — СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014б. — С. 332–355.
  47. **Поляков А.В.** Археологическое исследование комплекса памятников Итколь II–III // Научные экспедиции РГНФ. — М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2014в. — С. 147–148.
  48. **Поляков А.В.** Появление элементов кочевнических традиций в эпоху поздней бронзы (на примере материалов карасукской культуры Среднего Енисея) // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. — СПб.: ВФ СПбГУ, 2015а. — С. 341–342.
  49. **Поляков А.В.** Бронзовые изделия с орнаментом в виде объёмных полусферических выступов в памятниках эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. — Хух-Хото, 2015б. — Т. I. — С. 251–257.
  50. **Поляков А.В.** Современная хронология памятников энеолита и эпохи бронзы Минусинских котловин // Петроглифы Центральной Азии и Северного Китая. — Улан-Батор, 2017а. — С. 187–211.
  51. **Поляков А.В.** Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2017б. — Т. I. — С. 337–339.
  52. **Поляков А.В.,** Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2017. — Т. I. — С. 339–343.
  53. **Поляков А.В.,** Лазаретов И.П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — С. 188–202.
  54. **Поляков А.В.,** Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. — СПб.: ИИМК РАН, 2018. — №8 (охранная археология). — С. 123–139.
  55. **Поляков А.В.,** Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. — 2009. — Вып. 5. — С. 20–56.

56. **Поляков А.В.**, Святко С.В. 2009–2019: новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы Минусинских котловин // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. — СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. — Т. II. — С. 18–20.
57. **Поляков А.В.**, Святко С.В., Степанова Н.Ф. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2017. — Т. III. — С. 62–66.
58. **Поляков А.В.**, Святко С.В., Степанова Н.Ф. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. — 2018. — №1 (21). Вып. 5. — С. 14–22.
59. **Поляков А.В.**, Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. — Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. педагогического ун-та, 2019. — С. 181–187.
60. **Поляков А.В.**, Степанова Н.Ф. Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. — 2009. — Т. XV. — С. 377–381.
61. **Поляков А.В.**, Хаврин С.В. Горизонтальная стратиграфия могильника Кюргеннер I (Хакасия) // Алтае-Саянская горная страна и история её освоения кочевниками. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. — С. 206–209.
62. Святко С.В., **Поляков А.В.** Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы — начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. — С. 146–149.
63. Степанова Н.Ф., **Поляков А.В.** Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. — Барнаул: Азбука, 2010. — С. 4–15.
64. Степанова Н.Ф., **Поляков А.В.** Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников оз. Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск, 2017. — Т. XXIII. — С. 405–408.
65. Степанова Н.Ф., **Поляков А.В.** Могильник афанасьевской культуры Карасук III: результаты новых исследований // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. — СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. — Т. II. — С. 74–77.